
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008

В. П. Федюк <https://orcid.org/0000-0002-1633-5054>

Россия в 1917 г.: революционная мода

Для цитирования: Федюк В. П. Россия в 1917 г.: революционная мода // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 182-188. DOI 10.20323/1813-145X-2020-6-117-182-188

В статье рассматривается влияние русской революции на одежду и моду. Объективными факторами, диктовавшими манеру одеваться, были прогрессирующая нищета и нехватка самого необходимого. Промышленность России, включая производство одежды и обуви, была ориентирована, прежде всего, на удовлетворение потребностей армии. На нужды гражданского населения сырья не хватало и в итоге обнищание, пусть и в разной степени, коснулось всех социальных групп.

Революция добавила к этому еще несколько обстоятельств, уже идеологического характера. Во-первых, подчеркнутый эгалитаризм во внешнем облике, сознательный отказ от любых внешних отличий. При этом ориентиром для подражания становилась манера одеваться, характерная для социальных низов. Это можно считать своеобразной мимикрией, средством самозащиты в условиях, когда порядки в стране диктовала улица. Подчеркнутый аскетизм, сознательно культивируемая небрежность были характерны для большинства представителей политического класса, независимо от того, на какой стороне баррикад они находились. Побочным проявлением этой тенденции было широкое распространение военизированного стиля, отражавшее страх перед захлестнувшей страну солдатской анархией. В Гражданскую войну и в последующие годы эти тенденции в целом сохраняются, хотя и будут претерпевать определенные изменения. В целом же указанные характеристики одежды как знакового элемента сохраняются до конца советской эпохи.

Ключевые слова: русская революция 1917 г., одежда, мода, изменения социальных стандартов.

HISTORICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

V. P. Fedjuk

Russia in 1917: revolutionary fashion

The article examines the influence of the Russian revolution on clothing and fashion. The objective factor that dictated the manner of dressing was the progressive poverty and lack of the most necessary things. The Russian industry, including the production of clothing and shoes, was focused primarily on meeting the needs of the army. The needs of the civilian population lacked raw materials and, as a result, impoverishment, albeit to varying degrees, affected all social groups.

The revolution added to this several more circumstances, already ideological in nature. Firstly, the emphasized egalitarianism in appearance, the conscious rejection of any external differences. At the same time, the manner of dressing, characteristic of the social bottom, became a reference for imitation. This can be considered a kind of mimicry, a means of self-defense in conditions when the order in the country dictated the street. Emphasized asceticism, deliberately cultivated negligence were characteristic of most members of the political class, regardless of which side of the barricades they were on. A side manifestation of this trend was the widespread paramilitary style, reflecting the fear of soldier anarchy that swept the country. At the same time, it is the military uniform and its most important element – epaulettes, that will be one of the first reasons for confronting the emerging of white and red Russia. In the civil war and subsequent years, these trends will generally continue, although they will undergo some changes. In general, these characteristics of clothing as a sign element will remain until the end of the Soviet era.

Keywords: Russian revolution 1917, clothing, fashion, changes in social standards.

Из всех элементов сложного семантического комплекса, характеризующего человека, страну или эпоху, наиболее ярким и «говорящим» является одежда. Не случайно считается, что «встречают по одежке». Действительно, фасон и качество одежды, манера ее ношения способны с первого взгляда рассказать о социальном статусе собеседника, его имущественном положении и индивидуальных чертах характера. Конечно, эта информация может оказаться не точной, но и слова могут обманывать.

Не в меньшей, а может быть, и в большей мере одежда способна охарактеризовать эпоху. Если вы сейчас признаетесь, что любите рассказы Чехова или стихи Северянина, это не вызовет удивления. Но если вы рискнете появиться на улице в одежде времен Чехова или Северянина, любопытных взглядов вам не избежать. Речь здесь не о конкретной манере одеваться, а о том, что за прошедшее столетие изменилось само отношение к одежде, и в этом смысле мы куда больше отличаемся от наших пра-прабабушек, чем в понимании того, что такое хорошая или плохая литература.

Первое и самое главное отличие: хотя понятие «модная одежда» существовало и сто лет назад (и, добавим, гораздо раньше), массовой моды в ту пору еще не было. Массовая, всеобщая, унифицирующая мода есть, прежде всего, продукт телевизионной эпохи. Именно телевидение навязывает зрителю то, что считает модным. Конечно, даже в провинции сто лет назад получали парижские журналы мод, но можно ли сравнить их воздействие с воздействием телеэкрана?

Еще одно соображение в связи с этим. Массовая мода очень быстро меняется, а значит, одежда должна быть дешевой, такой, какую не жалко выбросить после одного сезона. Между тем индустрия дешевой, то есть готовой одежды сто лет назад была в России почти не развита. В начале XX в. сначала в столицах, а затем в провинции появились магазины готового платья (эта тенденция пришла из Австрии, поэтому на вывесках большинства из них были слова «венский шик» [Ривош, 1990, с. 101]), однако в большинстве случаев одежда по-прежнему шилась на заказ.

Шили одежду солидно и надолго. Пальто или шубу даже не шили, а «строили», само это слово предполагает длительность как создания, так и эксплуатации. То, что шубу носили по десять-двадцать лет, воспринималось как само собой разумеющееся. По этой причине одежду шили из плотных тканей, способных выдержать влияние

времени. Шуба, пальто и даже костюм могли переходить по наследству. Разница в размерах не играла роли, так как всегда были портные, готовые перешить и перелицевать что угодно. Это объясняет, почему профессия портного была наиболее популярной у городских ремесленников.

Сто лет назад не было химчисток, стиральных порошков и самих стиральных машин. Ручная стирка с применением стиральной доски и ребристого вала вела к быстрой порче одежды. Поэтому стирать старались как можно реже, а чтобы это не бросалось в глаза, одежду подбирали, как правило, немарких цветов. В результате уличная публика выглядела тогда куда менее пестро, нежели сейчас. Пожалуй, только летом серенькая в обычное время масса прохожих расцветала более яркими красками. Женщины надевали белые блузки и ситцевые платки, мужчины – парусиновые брюки и светлые летние пиджаки. Появиться на улице даже в жару без пиджака было для взрослого человека почти неприлично.

Массовая мода ведет к нивелированию социальных и имущественных различий. Разумеется, они не исчезают совсем, но внешне в манере одеваться царит полная демократия: одна и та же модель может представлять собой продукцию именитой фирмы, а может быть контрафактом, на порядок более дешевым. Сто лет назад представить себе такое было невозможно. Социальные различия в одежде бросались в глаза, и любое их нарушение несло в себе информацию, требовавшую дополнительной расшифровки. Богатый аристократ, носящий косоворотку, явно стремится «опроститься», быть ближе к народу. Точно так же мастеровой, одевающий по праздникам котелок, хочет показать свою принадлежность к «культурным людям», но и тот и другой в равной мере выглядят карикатурно.

Еще один пример принципиального изменения за сто лет знакового значения одежды – привычная нам шапка-ушанка. В ту пору она называлась «треух» и считалась сугубо крестьянским головным убором. Носить треух не рискнул бы и городской рабочий, не говоря о том, что женщина в ушанке (обычное дело в советское время) – все равно что в наше время мужчина в бюстгальтере. Следует отметить, что сто лет назад, впрочем как и сейчас, мужская одежда была меньше подвержена изменениям. Поэтому мода ассоциировалась преимущественно с одеждой женской. Когда революция явочным порядком отменила строгие правила ношения военной формы, многие солда-

ты, особенно матросы, пытались в индивидуальном порядке сделать форму более красивой, а значит модной. В результате в их облике появилось что-то женское: лаковые сапоги, приталенные форменки и бушлаты, широкий вырез, обнажающий голую грудь и посему напоминающий декольте.

Мировая война, вызвавшая нехватку всех предметов широкого потребления, породила и «мануфактурный голод». Таким неуклюжим термином газеты называли дефицит (само это слово, в советские времена понятное всем и каждому, тогда еще не получило распространения). Что касается «мануфактурного голода», то ощущался он даже острее, чем нехватка продовольствия. Одеваться нужно было не только горожанам, но и крестьянам близлежащих к городам деревень, которые получали такие же карточки на мануфактуру. Отоварить их в деревне было невозможно, поэтому они приезжали в город, и очереди у мануфактурных магазинов били все рекорды.

Главным же источником пополнения гардероба для горожан стали вещевые рынки, повсеместно известные как «барахолки» или «толкучки». Если сейчас необходимость одеваться в магазинах «секонд хенд» воспринимается многими как нечто компрометирующее, то сто лет назад, ввиду иного отношения к одежде, покупать ее на толкучке было вполне естественным. Горожане сетовали лишь на цены. Вот примерная стоимость некоторых категорий подержанных вещей: пальто меховое – 150 рублей, пальто ватное – 30 рублей, пиджак летний – 10 рублей, костюм пиджачный – 75 рублей [Голос, 1917, 23 апреля]. Мы приводим цены на апрель 1917 г., при этом следует помнить, что к осени они выросли в три раза.

Нищета заставляла искать нетрадиционные выходы. Внезапно из магазинов пропала чертежная калька. Оказалось, что, если ее прополоскать в воде, из нее получается весьма качественная ткань вроде батиста. В дело шло все, что оказывалось под рукой: «На углу в москательной хозяйка продает кусок занавески. Только что содрала, совсем свежая, прямо с гвоздями. Выйдет чудесное вечернее платье. Вам необходимо, а такой случай уже никогда не представится» [Тэффи, 1991, с. 257]. Рассказывали, что где-то в провинции в ход пошли даже красные флаги и транспаранты (в которых не было недостатка). В итоге местные модницы нарядились в юбки, украшенные лозунгами «Долой!» и «Да здравствует!».

Даже самые тяжелые времена не могли заставить женщину перестать быть женщиной. Пусть

все вокруг летит в пропасть, но первый вопрос к приезжему из столицы – о том, «что теперь там носят». В воспоминаниях известной в те годы писательницы Н. Тэффи (Н. А. Бучинской) мы находим настоящий гимн этой жизненной силе: «Милое, вечно женственное! Эдельвейс, живой цветок на ледяной скале глетчера. Ничем тебя не сломить! Помню, в Москве, когда гремели пулеметы и домовые комитеты просили жильцов центральных улиц спуститься в подвалы, вот такой же эдельвейс – Серафима Семеновна – в подполье, под плач и скрежет зубовой – грела щипцы для завивки над жестяночной, где горела за неимением спирта какая-то смрадная жидкость против паразитов» [Тэффи, 1991, с. 391].

Ситуация с обувью в 1917 г. обстояла даже хуже, чем с одеждой. Однако прежде – опять несколько общих замечаний. Трудно себе представить, но сто лет назад привычное слово «ботинки» было понятно далеко не каждому и по этой причине попало в словарь иностранных слов [Карманный словарь ... , 1909, с. 94]. Ботинки, обычно в виде высоких полусапожек на шнуровке, воспринимались как исключительно женская обувь. Мужские ботинки появились в России как раз в то время, о котором мы ведем речь, из Америки. В сентябре 1917 г. в газетах было опубликовано объявление: «Московский областной продовольственный комитет закупает в Америке на 80 миллионов рублей обувь на шнурках, пряжках, двойных подошвах для продажи городскому населению. Желающие воспользоваться этим случаем и обеспечить себя обувью должны внести в здешнюю городскую управу задаток в размере 5 рублей с пары, указав сорт и размер» [Голос. 1917. 8 сентября]. Те, кто по наивности надеялся решить таким образом вопрос с обувью, не получили ни обуви, ни денег. Лишь лет через пять стараниями АРА (Американской администрации помощи) солдатские ботинки армии США станут привычны для российских горожан.

Пока же мужской обувью были не ботинки, а штиблеты – невысокие кожаные полуботинки на вставной резинке и без шнурков. Штиблеты считались обувью модной и изысканной и потому свидетельствовали об определенной социальной, а в 1917 г. и политической принадлежности владельца.

Глазки черны, ручки белы;
На ногах штиблеты
Если хочешь Дарданеллы –
Запишись в кадеты.

В этой частушке революционных лет так и чувствуется неприязнь тех, кто носит сапоги, к тем, кто щеголяет в штиблетах. Впрочем, сапоги были в ту пору обувью всеобщей и всепогодной. В сапогах мог ходить и мастерской, и богатый купец, и чиновник. Сапоги носили и зимой, и весной, и осенью, а нередко и в летнюю жару. Конечно, они различались качеством кожи и пошива, но в общем были универсальны для всех, за исключением женщин.

К сапогам (у женщин – к ботам) с осени до весны полагались галоши, которые, учитывая состояние дорог в российских городах, были предметом первой необходимости. Между тем «галашный голод» принял в 1917 г. самые острые формы. Когда на прилавках магазинов появились галоши, весь наличный запас уходил не больше чем за два часа: в магазине пара стоила 7 руб. 50 коп., а на толкучке цена их доходила до 27-40 рублей [Голос, 1917, 23 августа]. Обычай снимать галоши и оставлять на специальной полке, приходя с улицы в помещение, исчез, так как кражи галош приняли характер эпидемии. В результате даже в самых солидных городских учреждениях воцарилась неистребимая грязь.

Обувь превратилась в предмет страшного дефицита еще накануне революции. Чтобы обути десятиmillionную армию, власти фактически ввели монополию на заготовку кожи. В результате фабрики и сапожные мастерские простаивали из-за нехватки сырья. Когда обувь все же появлялась на прилавках магазинов, ее хватало, не глядя на фасон и размер. Одним из самых ярких воспоминаний В. В. Шульгина о жизни в Киеве летом 1917 г. стала именно очередь за обувью: «Обувь у всех поизносилась и изорвалась. Поэтому, когда магазин “Скорострел” объявил продажу обуви, люди бросились к нему. Образовалась до той поры не виданная очередь. Она началась у магазина, которых где-то был на Крещатику, поднималась по Бибикивскому бульвару до Николаевского парка и обвивала ограду этого сада кольцами в несколько рядов. Там стояли по несколько суток, сменяя друг друга» [Шульгин, 1994, с. 158]. Пара штиблет по магазинным ценам стоила 45-50 рублей, а за женские ботинки требовали не менее 80-85 рублей [ГАЯО, Ф 288. Оп. 1. Д. 1159. Л. 67]. Ближе к зиме появилась проблема валенок. Но цена их за пару мужского размера достигала 90 руб., женские шли по 65 руб., а детские – по 45 руб. [Голос, 1917, 8 октября].

Возвращаясь к разговору об одежде, нужно выделить отдельный сюжет, связанный с формой. Дореволюционная Россия была страной, одетой в мундир. Форму носили все: и военные, и гражданские, и студенты, и совсем юные гимназисты, и те же гимназические преподаватели, даже вагоновожатые в трамваях были наряжены в почти генеральские мундиры. Это было не случайно: форменная одежда определяла место каждого в сложной государственной машине. Человек, надевший мундир, сразу вырастал не только в глазах окружающих, но и в своих собственных, поскольку ощущал, что за ним стоит вся мощь империи.

Революция похоронила империю, а вместе с ней и большую часть форменной одежды. В гражданских ведомствах форма исчезла как-то сама по себе после появления «министров в пиджаках». Большинство новых министров одевались подчеркнуто демократически. Тон в этом задавал «живой символ революции» – А. Ф. Керенский. В бытность депутатом Государственной думы он одевался элегантно и даже с некоторой долей франтовства. С первых же дней революции все изменилось. Перемена в облике Керенского произошла на глазах многих очевидцев: 2 марта 1917 г. – в тот самый день, когда Николай II отрекся от престола и было образовано Временное правительство. Керенский уже несколько суток не выходил из Таврического дворца. В минуту короткой передышки между изнурительными переговорами вновь назначенный министр юстиции вышел в коридор к ожидавшей его публике. «Одет он был как всегда (то есть до того как принял на себя роль «заложника демократии» во Временном правительстве): на нем был пиджак, а воротничок рубашки – крахмаль-ный, с загнутыми углами. Он взялся за эти углы и отодрал их, так что получился вместо франтовского какой-то нарочито-пролетарский вид...» [Набоков, 1921, с. 16].

Преобразование «буржуазного депутата» в «народного министра» было проявлением заигрывания с толпой, как и к месту и не к месту употребляемое слово «товарищ». Для политиков левого толка подчеркнутая бедность в одежде была еще более необходимой частью образа. Один из современников оставил следующее описание внешности Троцкого в день его первого визита в министерство иностранных дел в качестве вновь назначенного наркома: «Одет он был в потертый сюртучишко. Крахмаль-ный воротничок, рубашка были сильно заносены. Плечи и

рукава сюртука засыпаны перхотью с головы. Штанишки мятые, сильно раздавленные у колен, рассыпавшиеся в концах мелкой бахромой» [Лопухин, 1990, с. 18].

В связи с этим нельзя не вспомнить историю со «штанами Ленина». Рассказал ее уже после смерти большевистского вождя К. Радек, славившийся умением подмечать характерные мелочи. Радек рассказывает о том, как весной 1917 г. он вместе с Лениным возвращался в Россию через Стокгольм: «Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей вызвал в нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека. Он ехал в горских сапогах с гвоздями громадной величины. Мы уговаривали его купить хотя бы новые сапоги. Мы ему указывали, что если полагалось портить этими сапогами тротуары пошлых городов буржуазной Швейцарии, то совесть должна ему запретить с такими инструментами разрушения ехать в Петроград, где, быть может, теперь вообще нет тротуаров... Мы купили Ильичу сапоги и начали его прельщать другими частями гардероба. Он защищался как мог, спрашивая нас, не думаем ли мы, что он собирается по приезде в Петроград открыть лавочку готового платья, но все-таки мы его уломали и снабдили парой штанов, которые я, приехав в октябре в Питер, на нем и открыл, несмотря на бесформенный вид, который они приняли под влиянием русской революции» [Радек, 1924]. Мы не думаем, что Ленин намеренно носил мятые штаны. Скорее, это было свидетельством его равнодушия к внешнему виду. Но публичные политики совершенно сознательно эксплуатировали образ аскета и бесребреника.

На другой стороне прежде непреодолимой социальной пропасти тоже имела место своеобразная смена костюмов. Приведем выдержку из дневников Пришвина: «Вот и сейчас проходит перед моими окнами с красным флагом сельское население на “митинг”, одеты они так, будто вот сейчас разграбили какой-то город и надели на себя, кто что смог утащить: один в крестьянских сапогах и в сюртуке, другой надел на голову цилиндр, девушки в шляпах, а новые верхние юбки, опасаясь дождя, завернули кольцами, спасательными кругами на бедрах. И будь тут ненастье, дождь, все равно ей непременно нужно три раза в день переменить свой туалет: обычай, наверно, перенесенный в деревню господскими нянями» [Пришвин, 1994, с. 296] Те, кто вчера был ничем, стремились как можно быстрее приобщиться к господской жизни, в то время как вчерашние

господа трусливо маскировались под «народ». Симпатий при этом не вызывали ни те, ни другие.

Если же вернуться к Керенскому, то будучи в кресле министра юстиции, он появлялся на людях в черной безликой тужурке со стоячим воротником, чем-то напоминавшей гимназическую форму. В начале мая Керенский был назначен военным министром, и новая роль мгновенно повлекла за собой новое переодевание. Теперь одеждой его стал френч табачного цвета. Именно таким Керенский запечатлен на большинстве фотографий. Френч как разновидность военного костюма должен был компенсировать сугубо гражданский облик нового министра. С другой стороны, отсутствие погон или каких-либо других признаков принадлежности к военному ведомству (на которые, впрочем, Керенский не имел никаких прав) должно было продемонстрировать его приверженность революционным идеалам.

В гражданских ведомствах отмена обязательной формы прошла сравнительно безболезненно, но в армии и на флоте вызвала бурные процессы, центром которых стал вопрос о погонах. В Ярославле тоже имели место случаи, когда солдаты пытались силой срывать погоны с офицеров, но говорить об этом подробно не стоит, поскольку такое происходило по всей стране.

Гонения на погоны отражали важные тенденции в развитии революции. Сопоставим с этим еще одно обстоятельство. Как известно, вместо упраздненной царской полиции Временное правительство учредило милицию, призванную стоять на страже общественного порядка. Особой формы милиционеры не имели, и единственным знаком отличия была белая повязка с буквами «ГМ» (городская милиция) на левом рукаве. В литературе есть сведения о том, что вопрос о форменной одежде все-таки обсуждался, но так и не был решен [Мусаев, 2001, с. 42]. Однако нам кажется, что причиной этого была не только извечная неповоротливость российской бюрократии. Само слово «милиция» в первоначальном понимании означает ополчение. Называя так органы, призванные заменить прежнюю полицию, их создатели делали ставку на сознательность «революционного народа», который сам, без участия профессионалов, способен положить конец хулиганству и преступности. О какой форме в этом случае может идти речь?

Революция провозгласила главным своим лозунгом равенство всех граждан. Мундир же есть

воплощение неравенства. Значит – долой мундир! В будущей свободной России не должно быть ни бедных, ни богатых (в идеале – ни мужчин, ни женщин – вспомним бесполое обращение «товарищ»), и все будут ходить в одинаковой одежде, как китайцы в правление Мао. Принципиальное и последовательное отрицание любых законов само становится законом; принципиальное отрицание любых различий в одежде рождает единообразную униформу.

Предпосылки к появлению такой униформы появились еще во время Мировой войны. Ухудшение снабжения предметами широкого потребления, с одной стороны, и повсеместно подогреваемый патриотизм – с другой породили моду на своеобразный стиль милитари. Гражданская одежда начинает приобретать сходство с военной формой. Даже те, кто нашел себе прочное место в тылу, предпочитали носить полувоенные костюмы. Известным примером могут служить «земгусары» – служащие Союза земств и городов. Это ироническое прозвище они получили за полувоенную форму (даже с погончиками), хотя сами были людьми сугубо гражданскими. Военный стиль проник не только в мужскую, но и в женскую моду. «В первый год войны самым модным платьем был бумажный костюм сестры милосердия» [Прокопович, 1924, с. 121]. Имеется в виду, конечно, хлопчатобумажный, то есть сшитый из дешевой ткани. Простота считалась патриотичной, а значит – модной.

Революция еще более усугубила эту тенденцию. Политики самых разных мастей надели военную форму, причем не офицерские кители, а солдатские гимнастерки. Стиль милитари с поправкой на революцию – это и есть солдатская форма без погон. Одеваться таким образом было удобно и выгодно. Во первых, военная форма, безжалостно расхищавшаяся с армейских складов, стоила на рынке гораздо меньше, чем гражданская одежда [Свободное слово, 1917, 8 ноября]. Существовало преимущество и другого рода. К осени 1917 г. солдаты стали окончательными хозяевами российских городов. Новая социальная иерархия, искореженная революцией, на какое-то время выдвинула их наверх. «А Ванька сам теперь богат. Был Ванька наш, а стал солдат» – эти блоковские строки как раз об описываемом времени. Обывателю стало выгодно маскироваться под солдата – один из таких случаев попал на страницы ярославских газет. У продовольственной лавки разгорелся скандал, центром которого был человек в солдатской форме. Ну а

далее – комментарии участников: «Он и не солдат вовсе, – объяснила какая-то всезнающая гражданка их простых. – В трактире поваром служит. Теперь, если кто что-то неладное затеял, известно, шинель наденет прежде всего» [Свободное слово, 1917, 14 ноября].

Полувоенная одежда пришлась по нраву и советским вождям. Даже нарком иностранных дел Г. В. Чичерин носил красноармейскую шинель с «разговорами». Мода эта пережила и Гражданскую и Вторую мировую и сошла на нет лишь в середине пятидесятых. Гораздо дольше сохранялся другой рецидив революционной униформы – ориентация на «простонародную» манеру. Так, неожиданно крестьянский «треух» не только завоевал город, но и стал своеобразным символом принадлежности к власти. Правда, шился он в этом случае из ондатры и норки. Но на то революция и была глубочайшим потрясением для страны, чтобы ее инерция продолжала ощущаться спустя многие десятилетия даже в такой, казалось бы, отвлеченной сфере, как мода.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1159. Л. 67.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф. 335. Оп. 1. Д. 2455. Л. 1.
3. Голос (Ярославль). 1917. 23 августа.
4. Голос (Ярославль). 1917. 8 сентября.
5. Голос (Ярославль). 1917. 26 октября.
6. Карманный словарь иностранных слов. Санкт-Петербург; Киев; Харьков: Ф. А. Иогансон, 1909. 734 с.
7. Лопухин В. Б. После 25 октября // Минувшее. Т. 1. Москва: Прогресс-Феникс, 1990. С. 9-98.
8. Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. 206 с.
9. Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. Берлин. 1921. С. 9-96.
10. Пришвин М. Дневники. 1918-1919. Москва: Московский рабочий, 1994. 384 с.
11. Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. Москва: Изд-во имени Чехова, 1917. С. 214.
12. Радек К. В plombированном вагоне // Правда. 1924. 20 апреля.
13. Ривош Я. Н. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. Москва: Искусство, 1990. 304 с.
14. Шульгин В. В. 1917-1919 // Лица: биографический альманах. Т. 5. Москва: Феникс, 1994. С. 121-328.
15. Тэффи Н. А. Житье-бытье. Рассказы. Воспоминания. Москва: Издательство политической литературы, 1991. 448 с.

16. Свободное слово (Ярославль). 1917. 8 ноября.
17. Свободное слово (Ярославль). 1917. 14 ноября

Reference list

1. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti. F. 288. Op. 1. D. 1159. L. 67 = State Archive of the Yaroslavl Region. F. 288. List. 1. D. 1159. L. 67.
2. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti. F. 335. Op. 1. D. 2455. L. 1. 439 = State Archive of the Yaroslavl Region. F. 335. List. 1. D. 2455. L. 1.
3. Golos (Jaroslavl'). 1917. 23 avgusta = Golos (Jaroslavl). 1917. August 23.
4. Golos (Jaroslavl'). 1917. 8 sentjabrja = Golos (Jaroslavl). 1917. September 8th.
5. Golos (Jaroslavl'). 1917. 26 oktjabrja = Golos (Jaroslavl). 1917. October 26th.
6. Karmannyj slovar' inostrannyj slov = Foreign word pocket dictionary. Sankt-Peterburg ; Kiev ; Har'kov : F. A. Ioganson, 1909. 734 s.
7. Lopuhin V. B. Posle 25 oktjabrja = After October 25 // Minuvshee. T. 1. Moskva : Progress-Feniks, 1990. S. 9-98.
8. Musaev V. I. Prestupnost' v Petrograde v 1917-1921 gg. i bor'ba s nej = Crime in Petrograd in 1917-1921 and the fight against it. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2001. 206 s.
9. Nabokov V. D. Vremennoe pravitel'stvo = Provisional government // Arhiv russkoj revoljucii. T. 1. Berlin. 1921. S. 9-96.
10. Prishvin M. Dnevnik = Diaries 1918-1919. Moskva : Moskovskij rabochij, 1994. 384 s.
11. Prokopovich S. N. Vojna i narodnoe hozjajstvo = War and national economy. Moskva : Izd-vo imeni Chehova, 1917. S. 214.
12. Radek K. V plombirovannom vagone = In a sealed carriage // Pravda. 1924. 20 aprelja.
13. Rivosh Ja. N. Vremja i veshhi. Oчерki po istorii material'noj kul'tury v Rossii nachala HH veka = Time and things. Essays on the history of material culture in Russia at the beginning of the twentieth century. Moskva : Iskusstvo, 1990. 304 s.
14. Shul'gin V. V. 1917-1919 // Lica: biograficheskij al'manah. T. 5. Moskva : Feniks, 1994. S. 121-328.
15. Tjeffi N. A. Zhit'e-byt'e. Rasskazy. Vospominanija = Life-being. Stories. Memoirs. Moskva : Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991. 448 s.
16. Svobodnoe slovo (Jaroslavl'). 1917. 8 nojabrja = Svobodnoe slovo (Jaroslavl). 1917. November 8th.
17. Svobodnoe slovo (Jaroslavl'). 1917. 14 nojabrja = Svobodnoe slovo (Jaroslavl). 1917. November 14th.